

© С.А. КОМАРОВ, Е.Л. ЮДИНЦЕВА

elyudin@mail.ru

УДК 821.161.1+821.511.2

ФЕНОМЕН МОЛЧАНИЯ В РУССКОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ 1970-х ГОДОВ

THE PHENOMENON OF 'SILENCE' OF ONTOLOGICAL PROSE OF 1970s BY RUSSIAN AND RUSSIAN-SPEAKING WRITERS

АННОТАЦИЯ. Молчание является несомненным этноокрашенным феноменом, и потому его сопоставительный анализ в текстах русских и русскоязычных писателей младописьменных литератур России обнаруживает специфику решенный мотивно-тематического комплекса «молчание» не только индивидуального, но и надьиндивидуального порядка. Онтологическая проза с ее известными константными особенностями высвечивает ментальные смещения и вариации в определенных узловых моментах текста, где культурный генотип автора срабатывает бессознательно и автоматически. Феномен молчания выступает в роли зоны-ловушки различий картины мира мастеров слова. В статье устанавливается общность изображения феномена молчания в текстах 1970-х годов одного жанра ненецкого, хантыйского и чукотского русскоязычных прозаиков и фиксируется ее отличие от воплощения данного мотивно-тематического комплекса в повестях трех представителей русской художественной школы (В. Распутин, В. Крупин, В. Личутин). В исследовании устанавливается, что метисная природа одного из авторов (А. Ким) коррелирует со смешанным типом воплощения комплекса «молчание» в текстах. В работе выделяются четыре различных подхода к аналитике молчания, формулируются широкие культурно-антропологические и социокультурные основания для сопоставления онтологических поисков мастеров художественного слова в российском пространстве второй половины XX века.

SUMMARY. Silence is definitely an ethnic phenomenon, that is why the comparative analysis of the texts of Russian and Russian-speaking writers detects the specifics of making motive-thematic complex «silence» not only of an individual, but also of a supra-individual order. Ontological prose with its constant features highlights the mental bias and variations in certain crucial points of the text, where the cultural genotype of the author works unconsciously and automatically. The phenomenon of silence is an index to differences in the worldimage of writers. This paper marks the common features of the phenomenon of silence in the texts of the 1970s, belonging to one genre and written by Nenetsky, Khanty and the Chukotsky Russian-speaking writers. The article also studies the differences between this prose and works written by the three representatives of the Russian literature school (V. Rasputin, V. Krupin, V. Lichutin). The study establishes that the origin of one of the authors (A. Kim) correlates with the mixed type of the realization of the complex "silence". The paper highlights four different approaches to the analysis of silence, formulates broad cultural and anthropological and socio-cultural basis for mapping ontological search of writers in Russia in the second half of XX century.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Онтологическая проза, молчание, русская и русскоязычная литература, автор, герой, картина мира.

KEY WORDS. Ontological prose, silence, Russian and the Russian-speaking literature, the author, hero, picture of the world.

Литература 1970-х годов в отечественной культуре рассматривается как особый период, имеющий отличительные приметы на фоне предыдущего десятилетия — эпические черты [1; 282] и драматизм художественного сознания [2; 10]. Драматизм художественного сознания порождался разнонаправленностью и усилением различных глобальных тенденций внутри страны и за ее пределами: межпоколенческими сдвигами в Европе, нарастанием урбанизации, силовыми акциями социалистического лагеря и свертыванием его реформ, отчуждением личностного сознания от советской семиосферы и его экзистенциализацией, уже кристаллизующейся в эстетические формы (модернизм), полемической манифестацией крестьянского опыта в качестве альтернативы и почвы для социального проектирования жизни.

Полемичность последнего была направлена как против коммунистического плана по стиранию граней между городом и деревней, так и против личностной атомизации существования, усматриваемой в западной идеологии и в современном опыте советского города. Нельзя не согласиться с Н.В. Ковтун, характеризующей специфику метатекстовости культурно-исторической ситуации в стране: «Все формы утопизма (в том числе и художественная утопия) теперь либо обслуживают утопическое государство, либо противостоят ему (утопии А. Солженицына, диссидентов) и, значит, сохраняют явную или скрытую (на уровне метатекста) зависимость от него» [3; 478].

Д.С. Самойлов ясно сформулировал социальную почву подцензурности и задач «деревенской прозы» в 1960-1980-е годы: «деревня переехала в город и стала писать о себе, научившись писать. Деревня истинной литературы никогда не породила. Былины — и то порождение Киева, дружинного города. Литературе нужна среда. А среда эта в городе»; «Потребность критики так сильна в литературе и обществе, что власть вынуждена разрешить и ее — тоже в ретроспективном плане: бывший бюрократизм, бывший волюнтаризм, даже бывшее раскулачивание. Нынешняя власть как бы к этому непричастна. Да она и сама социально близка авторам “деревенской прозы”»; «Авторы “деревенской прозы” — горожане из крестьян. Из них формируется власть. Из них же и литература»; «В пору разлома народной нравственности “деревенская проза” проповедует преемственность народных нравственных начал. И потому она выше и реальной прозы городской» [4; 435-436]. С этим связан вопрос о выделении онтологической прозы именно из состава деревенской прозы, почему именно в ней оформилось онтологическое ядро. На наш взгляд, ответ здесь — в соответствии субъекта и объекта.

Специфика деревенской жизни, ее правил жизненной игры, то есть ее габитуса, в постоянном существовании «на грани», ведь оно всегда неопределенно и зависит от капризов погоды, капризов приходящего из города «начальства», отсюда у крестьянина «феномен моральной экономики как этики выживания», организация жизни «вокруг проблемы минимального дохода и снижения риска, сохранения культурно зафиксированного уровня существования» [5; 54, 56]. С этим связан и антропологический ресурс крестьянина — «феноменальная

выносливость, крепость физическая, витальность, умение склоняться как лист травы и снова разгибаться, привычка жизни в тесной близости и подозрительное отношение к сложным видам труда и людям, которые их выполняют», а также его идеал социальности — «равенство», понимаемое как «право на жизнь каждого», «личная связь», «базирующаяся на личном доверии» [5; 59-60]. Существование крестьянина «на грани», его зависимость от внешней среды, ориентированность на календарно-трудовой цикл и вписанность в него — основа бытийственности словесной культуры носителя деревенского сознания, ритуальности и деиндивидуализации данной культуры, ее антигносеологичности.

Как следствие, автор, выражающий данную культуру, должен быть ориентирован на миф и фольклор, на обязательный путь от хаоса к космосу, на традиционалистскую стилистику, на отрицание эстетики самовыражения в творчестве, характерной для индивидуально-творческих систем. Этот автор должен быть голосом всего народа, мыслимого как крестьянин — труженик — семьянин, и выражать его общие ценности, его достоинство и красоту. Он должен презирать заигрывание с читателем, угадывание желаемого им, руководствоваться должным, ясным и предустановленным традицией опытом разговора о главном, сущностном в жизни.

Этим главным и сущностным являются мир, природа, жизнь, род, рождение, семья, труд, порядок, смерть, память, опыт. Данные феномены в их системной взаимосвязи и воплощают красоту мира, малой и естественной частицей которого есть и будет каждый из живых. Поэтому тематической, ценностной, этической и риторической функций слова для выражения красоты мира вполне достаточно, следовательно, использование и акцентирование приемов индивидуальной стилистики здесь может быть опасным, избыточным, неорганичным, противоречащим основам мироощущения автора, подрывающим доверие к нему читателя. Такая избыточность может рассматриваться им как попытка стать больше своего народа, как выход из традиции, как гордыня и соблазн быть не собой, а другим, как стремление угодить «чужим», как утрата самодостаточности, самоуважения в народном космосе.

Параметры онтологической прозы в условиях индивидуально-творческой фазы развития художественного сознания, где в качестве осевой выступает триада: автор — произведение — читатель, обычно описываются не системно, поэлементно, хотя и в поэлементном режиме многое здесь уже прояснено. Так, говоря о стиле прозы Ю. Казакова, М.А. Литовская проницательно отмечает: «происходит как бы самовыговаривание бытия без жесткой авторской оценки», «все персонажи в определенные моменты жизни могут испытывать некие сходные чувства, роднящие их с каждым человеком, (...) само описание проживания этих чувств позволяет сближаться слову автора и героя, (...) сходство протекания переживания — при всей индивидуальной наполненности его — создает «морфологическую» однотипность и узнаваемость человека» [6; 130]. Неслучайно исследователи через разговор об «онтологических, натурфилософских символах» обозначают движение «деревенщиков» к «мышлению феноменологическими сущностями» и основания их «встречи» с модернизмом [7; 204-206].

То, что онтологическая проза — это явление не только русской литературы, было зафиксировано специалистами еще в 1980-е годы в рамках культуры советской цивилизации, когда сопоставлялся опыт Гранта Матевосяна и Вален-

тина Распутина. Позднее исследователи обнаружили связь опыта того же В. Распутина с исканиями младописьменных литератур России [8; 212-213], обозначился вопрос о соотношении типологического и историко-генетического начал данного явления. Специалисты показали наличие взаимодействия обоих начал для понимания феномена русскоязычного творчества мастеров слова младописьменных литератур страны. В частности, один из крупнейших североведов России отмечает: «Основания онтологической словесности различных народов объясняются, на наш взгляд, общностью доиндустриального типа хозяйствования и соответствующего ему типа картины мира, антропологической близостью охотника, оленевода, крестьянина. Писателям северных оленеводческих народов из русских писателей-онтологов 1970-х годов особенно интересен опыт Валентина Распутина, в частности, как знатока и сочувствующего описателя жизни тофаларов, у которых основу традиционного хозяйства представляло кочевое оленеводство, жилищами служили чумы, а поселениями — стойбища» [9; 111].

В настоящее время могут быть выделены несколько подходов к изучению феномена молчания: философско-гуманитарный, культурологический, этнофилологический, лингвистический.

Философско-гуманитарный подход представлен исследованиями М.В. Михайловой, М.Н. Эпштейна. М.В. Михайлова разводит молчание и язык как две различные системы. Первая система для нее это «незнаковый способ отношения к смыслу, преднаходимому сознанием в себе, в мире и в Другом», и она, т.е. система, «осваивает смысл через совпадение, бытие-вместе, преодолевающее субъектно-объектные отношения». Вторая же система, то есть язык, «в силу конституирующей его энергии различения имеет дистантную природу» и язык «возможен лишь в ситуации несовпадения субъекта и объекта речи» [10; 28-29]. Рассматривая природу слова и молчания, М.Н. Эпштейн отмечает их взаимосвязанность и взаимообусловленность. Молчание, однако, на его взгляд, следует отличать от тишины, которая представляет собой дочеловеческое состояние природы, в то время как слово и молчание являются характеристиками человеческого мира [11; 179, 199]. В «Философии возможного» Эпштейн высказывает мысль о потенциальной природе языка, предполагая первичность молчания как феномена человеческой культуры: «Молчание задает языку границы его деятельности и ту смысловую форму, в которой он определяет и расчленяет себя. Так возникает новая, альтернативная дисциплина — лингвистика молчания, или селентика (альтернативное название — сайлентология; можно назвать ее по-русски — «молчеловие»), наука о паузах, о формах умолчания и замалчивания, о «молках», единицах молчания, формирующих речь и определяющих глубину ее семантических переносов, метафорических сдвигов и фигуральных значений» [12; 211].

Культурологический аспект проблемы освещен в работах К.А. Богданова, М.Н. Виролайнен. По мнению К.А. Богданова, молчание — один из ключевых элементов мировой культуры с древнейших времен до нашего времени. В контексте любовной поэзии античности и средних веков молчание означает невозможность выразить чувства словами. Для романтиков молчание — недоговоренность, нарочитые умолчания автора. Оно используется для усиления выразительности сказанного. Правда чувств противопоставляется лжи слов. В литературе

XX в. феномен молчания занимает особое место, для него характерна взаимопроизвольность связи означающего и означаемого, связь объекта и смысл прилагавшего к нему слова теперь может быть сугубо условна, в результате чего слово «оказывается равным молчанию, а молчание — слову» [13; 83-84]. Исследование М.Н. Виролайнен посвящено роли молчания в русской литературной культуре. По ее мнению, словесная культура не сводится целиком к зоне озвученного: зона речи «всегда соседствует с не менее значимой зоной молчания» [14; 437, 438], и способы их взаимодействия не постоянны, имеют фазовые изменения.

Этнофилологический подход предполагает исследование молчания в контексте конкретной этнокультуры. В этом плане молчание выступает как выражение своеобразия данного народа, обозначенного «в тексте в качестве «своего» и отграниченного от иной («чужой») ценностной модели» [15; 11]. Молчание как элемент русской этнокультуры исследуется в работах В.В. Марковой, Л.А. Ходанен. Молчание связывается с душой, с внутренним миром [16; 6], то, что невозможно выразить, что нужно сохранить. По мысли В.В. Марковой, в динамике культуры XIX века, «безмолвие (акт молчания) теперь не просто противопоставлено Слову (акту говорения) как «отсутствие звука — наличие звука», а являет собой некую особую природу этого самого Слова: лишение слова значимости или признания слова бессмысленным» [17; 3].

Лингвистический подход реализуется в работах Н.Ю. Третьяковой, Н.В. Штыковой, в них молчание рассматривается как особый компонент коммуникативного поведения. В зависимости от ситуации общения выделяются коммуникативно-значимое молчание и коммуникативно незначимое молчание [18; 5, 13]. В данном контексте молчание рассматривается как отсутствие ожидаемой вербальной реакции, оно маркирует собой нарушение стандартного развития ситуации [19; 94, 98]. Рассматривается молчание и как элемент концептосферы русского языка [20; 234-240].

Феномен молчания имеет своеобразное воплощение в текстах русского и русскоязычного писателя. В русской повести 1970-х годов, к которым относятся произведения В. Распутина («Последний срок», «Живи и помни» «Прощание с Матерой»), В. Личутина («Вдова Нюра», «Обработно — время свадеб», «Последний колдун», «Домашний философ», «Крылатая Серафима», «Бабушки и дядюшки»), В. Крупина («Ямщицкая повесть», «Живая вода»), молчание, прежде всего, является принадлежностью человеческого мира и отражает ненормальный ход жизни. В русской культуре молчание противоречиво, и это находит отражение в текстах. Поскольку для русского народа характерна высокая коммуникативная активность, молчание имеет особое значение. Безмолвный человек оценивается как более умный, мудрый и т.д. Говорящий же человек, тем более, много говорящий (болтливый) — наоборот.

Герои повестей названных писателей являются носителями онтологических установок, то есть им свойственны обращенность к вопросам бытийным (вопросы о жизни, о смерти, о человеке и его сущности и т.п.), что располагает к внутреннему диалогу. Показательны в этом плане герои В. Распутина — это, в основном, люди пожилые, состоявшиеся, у них уже есть ответы на все вопросы касательно смысла жизни, смысла бытия. У них молчание становится отражением бережного отношения к слову. Напротив, герой Личутина — это моло-

дой человек, ищущий себя, и свое место в жизни; это творческий человек (художник, учитель). Молчание является следствием неопределенности, неумения выразить себя, может быть реакцией недоверия к звучащему слову. Разрыв с корнями, положение конфронтации с предыдущим поколением приводит таких героев к социальному и духовному одиночеству. Вследствие чего между двумя поколениями устанавливается молчание как форма общения, свидетельствующее об отсутствии точек соприкосновения между поколениями. Желание преодолеть этот барьер часто носит односторонний характер. У Личутина неумение выразить себя оборачивается болтливостью, которая является попыткой заговорить внутреннюю пустоту. В этом наблюдается сходство с героями В. Крупина, в характеристике которых также наблюдается болтливость, но несколько в ином ключе, чем в текстах Личутина. У Крупина герой — простой мужик, всю жизнь связанный с землей. Болтливость его является попыткой заговорить ситуацию разлома, появившегося в налаженной жизни. Молчание в этом случае было бы предсказуемо, но возникшая болтливость говорит о предельной напряженности ситуации.

Обычно герои данных авторов помещены в пограничную ситуацию, где предельно ясно раскрываются и проявляются все их существенные черты. У Личутина герои старшего поколения близки к героям Распутина, они носители онтологического сознания, в то время как у Крупина принадлежность к старшему поколению не показатель такого сознания: возраст уже не играет роль. Но герой Крупина, нашедший смысл жизни, не сходит с тропы, которую он для себя избрал, и в итоге приходит к тому, что изначально знали и чувствовали герои Распутина и Личутина: уважение к слову, доверие «своему», абсолютное знание себя. Молчание в этом смысле — особая позиция героя, которая раскрывает его нравственные установки: «говорю, если хочу говорить», «говорю с тем, с кем хочу», «говорю то, что хочу сказать». При этом он не испытывает дискомфорт от собственного молчания и не испытывает чувство одиночества, даже если находится в изолированном состоянии: внутри идет постоянный диалог с самим собой.

Противоположна позиция А. Кима. В его повестях («Соловьиное эхо», «Собиратели трав», «Луковое поле») онтологический герой — молодой, при этом обычно уже нашедший себя. Но в данном случае молчание вписано в космос, и поскольку человек — его часть, то молчание может характеризовать и человека. Не зря действие всех повестей Кима разворачивается на безграничном пространстве, где горизонт, как правило, размыт: просторы России, луковое поле, берег моря. Человек как бы находится в центре вселенной, и слово человека в этом контексте замолкает. Здесь молчание — выражение удивления перед огромным миром, способ созерцать этот мир. Важнейшей интенцией повестей Кима является отношение к творчеству, которое рассматривается как внутренняя духовная работа. У героя Кима богатый внутренний мир, но сложен поиск слов, чтобы выразить себя. Изолированная жизнь не воспринимается как одиночество, обычно герой Кима легко идет на контакт.

Примечательно, что в текстах русских повестей молчание реализуется через оппозицию «свой-чужой», где молчание между «своими» — проявление близости, и, наоборот, с «чужими» устанавливается молчание. У Кима такой проблемы не стоит. Для его героя весь мир «свой», и все люди — «свои», родствен-

ные души. Время в произведениях Кима также вписывается в вечность: в его повестях обычно не указано реальное время, частые переходы во времени размывают границы, и человек становится вписанным в вечность.

В русскоязычных повестях 1970-х годов младописьменных литератур народов Севера («Илир», «Анико из рода Ного» А. Неркаги; «В ожидании первого снега», «Звезда утренней зари» Е. Айпина; «Вэкэт и Агнес» Ю. Рытхэу) реализация феномена молчания во многом близка позиции А. Кима. Идеи вечности и необъятности пространства и здесь находят воплощение. С другой стороны, отношения между поколениями характеризуются разрывом, мир находится в пограничной ситуации, что сближает данные повести с повестями русских писателей. Особенностью повестей А. Неркаги, Е. Айпина, Ю. Рытхэу становится воплощение национальных характеристик: молчание как форма этикета между «старшими» и «младшими»; молчание как часть ритуала, обряда. Как и в повестях русских писателей, здесь изображен «образ должного человеческого бытия» (Г.А. Белая), но показателем времени является ситуация разлома, что ведет к разрыву в отношениях людей, вследствие чего в повестях названных авторов молчание становится формой общения между героями уже в отрицательном смысле.

В онтологической повести 1970-х годов феномен молчания раскрывается через мотивы слова, игры, безумия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рыбальченко Т.Л. Поиск метафизической картины мира в русской литературе 1950-1980-х гг. // Проблемы метода и жанра: Сб. статей / Отв. ред. Ф.З. Канунова. Томск: Изд-во ТомГУ, 1997. С. 280-296.
2. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: в 3 кн. Кн.2.: Семидесятые годы (1968-1986): Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 288 с.
3. Ковтун Н.В. Деревенская проза в зеркале утопии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 494 с.
4. Самойлов Д.С. Памятные записки. М.: Международные отношения, 1995. 474 с.
5. Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. М.: Ключ-С, 1998. 156 с.
6. Литовская М.А. «Прозрачный» стиль прозы Ю. Казакова // XX век. Литература. Стиль: Стилевые закономерности русской литературы XX века (1900-1950). Вып. 3. Екатеринбург: УрГУ, 1998. С. 123-130.
7. Большакова А.Ю. Творчество В. Распутина в контексте деревенской прозы // Время и творчество Валентина Распутина: Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения В.Г. Распутина: мат-лы / Отв. ред. И.И. Плеханова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. С. 198-211.
8. Лагунова О.К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги). Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007.
9. Лагунова О.К. Онтологические повести В. Распутина и А. Неркаги: национальная идентичность и проблемы типологии // Проблемы национальной идентичности в русской литературе XX века: коллективная монография / Науч. ред. Т.Л. Рыбальченко. Томск: Изд-во ТомГУ, 2011. С. 109-124.
10. Михайлова М.В. Эстетика молчания: Молчание как апофатическая форма духовного опыта. М.: Никея, 2011. 320 с.
11. Эпштейн М.Н. Слово и молчание: Метафизика русской литературы. М.: Высшая школа, 2006. 589 с.
12. Эпштейн М.Н. Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001. 334 с.

13. Богданов К.А. Очерки по антропологии молчания. Homo Tacens. СПб.: РХГИ, 1997.
14. Виролайнен М.Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб.: Амфора, 2003. 503 с.
15. Лагунова О.К. Введение // Русский мир в отечественной литературе: этнофилологический аспект: коллективная монография / Под ред. С.А. Комарова. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2011. С. 4-12.
16. Ходанен Л.А. «Мысль изреченная есть ложь...». Мотив молчания и безмолвия в стихотворении Ф.И. Тютчева «Silentium!» // Русская словесность. 2004. № 2. С. 5-11.
17. Маркова В.В. Поэтика безмолвия в русской литературе 1820 — начала 1840-х гг.: дисс. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2005. 193 с.
18. Третьякова Н.Ю. Молчание и сравнение как элементы идиостиля языковой личности А.П. Неркаги (на материале повестей «Анико из рода Ного», «Илир», «Белый ягель», «Молчаший»): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2010. 22 с.
19. Штыкова Н.В. Молчание — золото? Молчание как коммуникативно-прагматическая категория // Вестник Тюменского государственного университета. 1999. № 4. С. 93-98.
20. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря / Под общей ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2010. 340 с.

REFERENCES

1. Rybal'chenko, T.L. In search of a metaphysical picture in the Russian literature 1950-1980s // *Problemy metoda i zhanra: Sb. statej* [Problems of method and genre: Collection of Articles] / Ed. by F.Z. Kanunova. Tomsk, 1997. Pp. 280-296. (in Russian).
2. Lejderman, N.L., Lipoveckij, M.N. *Sovremennaja russkaja literatura: v 3 kn. Kn.2.: Semidesjatyje gody (1968-1986): Uchebnoe posobie* [Modern Russian Literature: In 3 books. Book 2: The Seventies (1968-1986): Textbook]. Moscow, 2001. 288 p. (in Russian).
3. Kovtun, N.V. *Derevenskaja proza v zerkale utopii* [Village prose in the mirror utopia]. Novosibirsk, 2009. 494 p. (in Russian).
4. Samojlov, D.S. *Pamjatnye zapiski* [Memoranda]. Moscow, 1995. 474 p. (in Russian).
5. Kozlova, N.N. *Social'no-istoricheskaja antropologija* [Socio-historical anthropology]. Moscow, 1998. 156 p. (in Russian).
6. Litovskaja, M.A. «Transparent «prose style Y. Kazakov // *XX vek. Literatura. Stil': Stilevyje zakonornosti russkoj literatury XX veka (1900-1950). Vyp. 3* [XX century. Literature. Style: Style patterns of the Russian literature of the XX century (1900-1950). Vol. 3]. Ekaterinburg, 1998. Pp. 123-130. (in Russian).
7. Bol'shakova, A.Ju. Creativity of Rasputin in the context of village prose [Tvorchestvo V. Rasputina v kontekste derevenskoj prozy]. *Vremja i tvorcestvo Valentina Rasputina: Mezhdunar. nauch. konf., posvjashh. 75-letiju so dnja rozhdenija V.G. Rasputina: mat-ly* (Time and creativity of Valentin Rasputin: Intern. scientific. conf. dedicated to 75th anniversary of Valentin Rasputin: Materials] / Ed. by I.I. Plehanova. Irkutsk, 2012. Pp. 198-211. (in Russian).
8. Lagunova, O.K. *Fenomen tvorcestva russkojazychnyh pisatelej nencev i hantov poslednej treti XX veka (E. Ajpin, Ju. Vjella, A. Nerkagi)* [The phenomenon of creativity Russian writers Nenets and Khanty last third of XX century (E. Aipin, Yu. Vella, A. Nerkagi). Tyumen, 2007. 260 p. (in Russian).
9. Lagunova, O.K. Ontological story Rasputin and A. Nerkagi: national identity and the problem of typology // *Problemy nacional'noj identichnosti v russkoj literature XX veka: kollektivnaja monografija* [Problems of national identity in Russian literature of the XX century: a collective monograph] / Scientific. Ed. T.L. Rybal'chenko. Tomsk, 2011. Pp. 109-124. (in Russian).
10. Mihajlova, M.V. *Jestetika molchanija: Molchanie kak apofaticheskaja forma duhovnogo opyta* [Aesthetics of Silence: Silence as in negative form of spiritual experience]. Moscow, 2011. 320 p. (in Russian).

11. Epstein, M.N. *Slovo i molchanie: Metafizika russoj literatury* [Word and Silence: The Metaphysics of Russian literature]. Moscow, 2006. 589 p. (in Russian).
12. Epstein, M.N. *Filosofija vozmozhnogo* [Philosophy of the possible]. St.-Petersburg, 2001. 334 p. (in Russian).
13. Bogdanov, K.A. *Očerki po antropologii molchanija. Homo Tacens* [Essays on the anthropology of silence. Homo Tacens]. St.-Petersburg, 1997. (in Russian).
14. Virolajnen, M.N. *Rech' i molchanie: Sjuzhety i mify russoj slovesnosti* [Speech and Silence: Plots and myths of the Russian literature]. St.-Petersburg, 2003. 503 p. (in Russian).
15. Lagunova, O.K. Introduction // *Russkij mir v otechestvennoj literature: jetnofilologičeskij aspekt: kollektivnaja monografija* [Russian peace in the Russian literature: ethno-philological aspect: the collective monograph] / Ed. by S.A. Komarov. Ishim, 2011. Pp. 4-12. (in Russian).
16. Hodanen, L.A. «The idea expressed is a lie...». Motive of silence and stillness in the poem F.I. Tyutcheva «Silentium!». *Russkaja slovesnost' — Russian literature*. 2004. № 2. Pp. 5-11. (in Russian).
17. Markova, V.V. *Pojetika bezmolovija v russoj literature 1820 — nachala 1840-h gg.* (diss. kand.) [Poetics of silence in Russian literature in 1820 — early 1840 (Cand. Diss.)]. Tyumen, 2005. 193 p. (in Russian).
18. Tret'jakova, N.Ju. *Molchanie i sravnenie kak jelementy idiositilja jazykovoj lichnosti A.P. Nerkagi (na materiale povestej «Aniko iz roda Nogo», «Ilir», «Belyj jagel'», «Molchashhij»)* (Avtoref. diss. kand.) [Silence and comparisons as element of the linguistic identity idiostyle of A.P. Nerkagi (based on the novels «Aniko from the Nogo», «Ilir», «White moss», «Silent») (Cand. Diss. thesis)]. Tyumen, 2010. 22 p. (in Russian).
19. Shtykova, N.V. Silence — gold? Silence as a communicative- pragmatic category. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 1999. № 4. Pp. 93-98. (in Russian).
20. *Konceptosfera russskogo jazyka: ključevye koncepty i ih reprezentacii (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii): prospekt slovarja* [Conceptosphere Russian language: key concepts and their representation (based on the vocabulary, phraseology and paremiology). Prospect dictionary] / Ed. by L.G. Babenko. Ekaterinburg, 2010. 340 p. (in Russian).

Авторы публикации

Комаров Сергей Анатольевич — профессор кафедры русской литературы Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета, доктор филологических наук

Юдинцева Елена Лыдаковна — аспирант кафедры филологии и культурологии Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова

Authors of the publication

Sergey A. Komarov — Dr. Philol. Sci., Professor, Department of Russian Literature, Institute for Philology and Journalism, Tyumen State University

Elena L. Yudinseva — Post-graduate Student, Department of Philology and Culture, Ershov Ishim State Pedagogical Institute